

ДОМ, ГДЕ СНОВА МОЖНО ЛЮБИТЬ

ЕЛЕНА ПАВЛОВА

Елена Павлова

Дом, где снова можно любить

«Автор»

2026

Павлова Е.

Дом, где снова можно любить / Е. Павлова — «Автор», 2026

После двадцати лет брака муж Марины уходит к другой, а на следующее утро ей сообщают о неожиданном наследстве — старом доме в приморском городе. Застройщик готов дорого заплатить за участок, мать требует немедленно продать дом, а сама Марина приезжает туда всего на неделю. Но за запертой дверью Марина находит письма и документ, способный изменить всё, что она знала о своём рождении. Пока дом оживает, а сдержанный мастер Андрей становится ей всё ближе, Марине предстоит решить, можно ли простить ложь, сказанную из любви, и хватит ли у неё смелости выбрать собственную жизнь.

© Павлова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Павлова

Дом, где снова можно любить

От автора

Эта книга является художественным произведением. Все персонажи, их имена, характеры, биографии и описанные события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с действительными событиями случайны и непреднамеренны.

Реальные географические названия могли быть использованы исключительно в художественных целях.

Пролог

Август 1987 года

Дом ещё не успел остыть после жаркого дня. В раскрытые окна тянуло солью, нагретой черепицей и поздними яблоками. В гостиной тикали часы — те самые, с деревянным маятником, которые спешили на семь минут и которые никто не решался починить.

В комнате плакал ребёнок.

Молодая женщина сидела на краю кровати и прижимала девочку к груди, но делала это неловко, будто боялась причинить ей боль одним прикосновением. Свет от настольной лампы падал на её руки. На правом запястье темнела тонкая нитка с голубой бусиной.

— Она опять не ест, — прошептала женщина. — Я всё делаю неправильно.

У окна стояла другая. Старше всего на четыре года, но сейчас казалось — на целую жизнь. Она подошла, осторожно забрала ребёнка и покачала на руках. Девочка всхлипнула, уткнулась носом в её плечо и затихла.

— Ты устала, — сказала старшая. — Тебе надо поспать.

— Я не про сегодня.

За окном море ворочалось в темноте. Волны были невидимы, но по глухому удару о камни можно было понять, насколько близко они подошли к берегу.

— Я смотрю на неё и думаю, что она знает, какая я, — продолжила младшая. — Знает, что я хотела убежать. Что иногда до сих пор хочу.

— Младенцы ничего такого не знают.

— А потом?

Старшая не ответила. Девочка раскрыла глаза. Они были тёмными, почти чёрными, и в них отражалась лампа.

На столе лежал билет на поезд. Отправление утром.

— Я вернусь, — сказала младшая.

— Я знаю.

— Нет. Посмотри на меня.

Старшая подняла голову.

— Я вернусь, когда смогу быть ей матерью.

Девочка снова заплакала. Старшая прижала её крепче, и плач быстро стал тише.

— А если пройдет много времени? — спросила она.

— Тогда скажешь ей правду.

— Какую именно?

Младшая сняла с запястья нитку с голубой бусиной и положила рядом с билетом.

— Всю.

Утром поезд ушёл на север. Через несколько месяцев в семейном альбоме появилась фотография: женщина в светлом платье держала на руках девочку и улыбалась так уверенно, словно никогда в жизни не боялась.

Вторую женщину с фотографии вырезали.

Дом сохранил обеих.

Часть первая. То, что остаётся

Глава 1. Двадцать лет

В тот вечер Марина готовила рыбу.

Не праздничный ужин, не попытку спасти брак и даже не любимое блюдо мужа — обычное филе трески, купленное по дороге с работы. Она натёрла его солью, выжала половину лимона и включила духовку. В кухне пахло укропом и нагретым металлом. За окном октябрьский дождь превращал двор в мутное зеркало.

Олег пришёл на сорок минут позже обычного.

Он долго возился с замком, хотя дверь никогда не заедала, потом снял пальто и не повесил его, а положил на пуфик. Марина увидела это из кухни и почему-то сразу поняла: сейчас произойдёт что-то, после чего пальто на пуфике станет важной подробностью. Так бывает перед аварией — ещё ничего не случилось, но тело уже приготовилось к удару.

— Ты будешь ужинать? — спросила она.

— Не знаю.

Олег прошёл в кухню и сел за стол. Не туда, где сидел двадцать лет, а напротив окна. Положил телефон экраном вниз.

Марина выключила духовку.

— Говори.

Он посмотрел на неё с благодарностью. Именно эта благодарность обидела сильнее всего: ему не придётся подбирать начало.

— Я снял квартиру.

Она прислонилась бедром к столешнице.

— Для кого?

— Для себя.

— Понятно.

Хотя ничего не было понятно. В голове возникали не вопросы, а мелочи: рыба останется в горячей духовке; завтра надо оплатить интернет; в ванной на сушилке висит его рубашка; в субботу они собирались к её матери.

— Есть другая женщина? — спросила Марина.

Олег провёл ладонью по лицу.

— Есть человек, рядом с которым я снова чувствую себя живым.

— Значит, женщина.

— Да.

— Давно?

— Марин, это уже ничего не изменит.

— Я не собираюсь ничего менять. Я хочу знать, сколько времени жила с человеком, который возвращался от другой женщины и спрашивал, купила ли я молоко.

Он отвернулся к окну.

— Полгода.

Марина кивнула. Весной они ездили выбирать Лизе ноутбук. В августе отмечали двадцатилетие свадьбы в ресторане возле набережной. Олег подарил ей серьги, которые выбрала его секретарша. Теперь Марина вспомнила, как он несколько раз выходил отвечать на сообщения и возвращался с виноватой улыбкой. Тогда она решила, что у него сложности на работе.

Впрочем, сложности у него действительно были. Просто работали они в соседнем отделе и носили имя Алина.

— Лиза знает?

— Нет. Я хотел сначала поговорить с тобой.

— Благородно.

— Не надо так.

— Как?

— Будто я чудовище.

Марина почти рассмеялась. Олег всегда боялся оказаться плохим человеком. Он мог сделать больно, уйти, солгать, но ему было важно, чтобы все признали: обстоятельства сложились, чувства изменились, виноватых нет.

— Я пока вообще не знаю, кто ты, — сказала она. — Какое уж тут чудовище.

Он встал.

— Я заберу вещи на выходных. Сегодня возьму только самое необходимое.

Пока Олег ходил по квартире с дорожной сумкой, Марина сидела на кухне. Она слышала, как открываются шкафы, как звякают в ванной флаконы, как муж кашляет в спальне. Каждый звук отрезал от их общей жизни небольшой кусок.

Он вернулся в пальто.

— Лизе скажем вместе.

— Нет.

— Марина...

— Ты решил уйти один. И скажешь ей один.

— Я не хочу, чтобы она думала...

— Вот и объясни ей, что она должна думать.

Олег помолчал, потом положил ключи на тумбу. Запасной комплект. Основной, видимо, оставил себе — на случай, если понадобится вернуться за вещами.

— Прости.

Её взгляд опустился на мокрые ботинки Олега. Двадцать лет она просила не проходить в них дальше коврика. Теперь ей было всё равно.

Дверь закрылась тихо.

Она вернулась на кухню, вынула противень и увидела, что рыба пересохла по краям. Почему-то именно это заставило её заплакать.

Не измена. Не пустая прихожая. Не две зубные щётки, одна из которых теперь была лишней.

Рыба, которую она старалась не передержать.

Марина плакала стоя, беззвучно и долго. Потом выбросила ужин, вымыла противень и протёрла плиту. Всё это она делала автоматически, как будто порядок на кухне мог удержать стены квартиры на месте.

В половине одиннадцатого позвонила Лиза.

— Мам, ты спишь?

Дочь училась в Петербурге первый год и звонила обычно на ходу: ветер бил в микрофон, рядом смеялись люди, хлопали двери метро.

— Нет.

— У тебя голос странный.

— Простыла немного.

— Вы с папой приедете в ноябре? Я нашла вам гостиницу, тут рядом...

Марина закрыла глаза.

— Приедем, — сказала она. — Только, может быть, не вместе.

На другом конце стало тихо.

— Что случилось?
— Папа тебе позвонит.
— Мам.
— Лизонька, не сейчас. Пожалуйста.
Дочь выдохнула в трубку:
— Я люблю тебя.

Марина прижала телефон к уху обеими руками.
— И я тебя.

После разговора она легла на свою половину кровати. На соседней подушке осталась неглубокая вмятина. Марина перевернула подушку, но спать всё равно не смогла.

К девяти утра Марина так и не уснула. Она встала, налила воды и увидела на экране пропущенный вызов с незнакомого номера.

Телефон снова зазвонил, когда она уже собиралась отключить звук.

— Марина Олеговна Орлова? — спросил мужской голос.

— Да.

— Вас беспокоит нотариальная контора Светломорска. Мне нужно сообщить вам о наследственном деле.

Марина села.

— Вы ошиблись. У меня никто не...

И тут она вспомнила женщину с голубой бусиной на запястье. Лёгкий запах лаванды. Дом у моря, в котором Марина провела одно лето — самое длинное и счастливое лето своего детства.

— Умерла Вера Сергеевна Калинина, — сказал нотариус. — Согласно завещанию, она оставила вам жилой дом и земельный участок.

За окном продолжался дождь.

Марина посмотрела на ключи Олега, лежавшие в прихожей, и за всю эту ночь впервые подумала не о том, что закончилось.

Она подумала о доме, которого не видела двадцать семь лет.

Глава 2. Наследство

Мать приехала без предупреждения.

В субботу, ровно в девять утра, в дверь позвонили три раза — коротко, требовательно. Так звонила только Галина Сергеевна, хотя у неё был собственный ключ.

Марина открыла и увидела мать в светлом плаще, с идеально уложенными волосами и пакетом из дорогой кондитерской. Она всегда приносила еду в моменты, когда не знала, что сказать.

— Ты похудела, — сообщила Галина Сергеевна вместо приветствия.

— За два дня?

— По тебе сразу видно. Где Олег?

Марина отошла, пропуская её в квартиру.

— У другой женщины.

Мать замерла, но лишь на секунду.

— Насовсем?

— Он снял квартиру.

— Это ещё ничего не значит.

— По-моему, довольно точное заявление.

Галина Сергеевна сняла плащ, аккуратно расправила его на вешалке и понесла коробку с пирожными на кухню. Марина наблюдала за ней и заранее знала, что последует: нельзя рубить с плеча, мужчины переживают кризис, двадцать лет не выбрасывают из-за ошибки, Лизе нужна семья.

Мать поставила чайник.

— Ты не должна сейчас принимать решения.

— Решение принял Олег.

— Мужчины иногда путаются.

— Он полгода очень последовательно путался.

— И всё-таки не торопись с разводом.

Марина достала чашки. Одна была с надписью «Лучшему мужу». Она убрала её обратно.

— Есть ещё кое-что, — сказала она. — Умерла тётя Вера.

Чайник щёлкнул.

Галина Сергеевна медленно повернулась.

— Откуда ты знаешь?

— Позвонил нотариус. Она оставила мне дом.

— Какой дом?

— Мам.

— Я спросила, какой.

— Тот самый. В Светломорске.

Лицо матери изменилось так заметно, что Марина на мгновение забыла об Олеге. Галина Сергеевна опустилась на стул и провела пальцами по краю стола.

— Тебе не нужно туда ехать.

— Почему?

— Потому что дом старый. С ним одни проблемы. Оформи доверенность, пусть риелтор всё продаст.

— Я должна вступить в наследство.

— Это можно сделать через представителя.

— Я хочу увидеть дом.

— Зачем?

Вопрос прозвучал слишком резко.

Марина села напротив.

— Ты говорила, что не общалась с Верой много лет.

— Так и было.

— Но о её смерти ты знала.

Мать взяла чашку, хотя чай ещё не был налит.

— Зоя позвонила. Соседка. Я не собиралась расстраивать тебя сейчас, когда у тебя и без того...

Она не договорила.

— Когда у меня и без того что?

— Сложный период.

— Ты узнала раньше меня?

— На один день.

— И не сказала.

— Не вижу, что изменилось бы.

Марина внимательнее всмотрелась в лицо матери. Галина Сергеевна была человеком, который держал жизнь в порядке. Платежи — в папках, лекарства — по дням недели, праздники — по списку. Даже после смерти отца она плакала ровно столько, сколько позволяла себе оставаться одна. На людях говорила: «Надо жить дальше».

Сейчас её пальцы дрожали.

— Почему вы поссорились? — спросила Марина.

— Мы не поссорились. Просто у каждой была своя жизнь.

— Вера была твоей родной сестрой.

— Родство не обязывает людей быть близкими.

— Но она оставила дом мне, а не тебе.

— Это её право.

— И тебя это не удивляет?

Галина Сергеевна поднялась и наконец налила кипяток в чашки.

— Вера всегда любила красивые жесты.

— Я помню её совсем немного.

— И хорошо.

Слова упали между ними тяжелее, чем мать, кажется, ожидала.

— Что она тебе сделала?

— Ничего.

— Тогда почему мне хорошо её не помнить?

— Марина, ты сейчас устала и ищешь смысл там, где его нет. Твоя тётя прожила не самую разумную жизнь. Она могла появиться, пообещать, исчезнуть. Тебе было восемь, когда она пригласила тебя на всё лето, а потом даже не позвонила на день рождения.

Марина помнила иначе.

Она помнила тёплый песок, персики, разломленные пальцами над раковиной, и тётю Веру, которая позволяла читать ночью под одеялом. Помнила, как они красили ставни в голубой цвет и обе испачкали волосы. В конце августа за Мариной приехала мать. Взрослые закрылись на кухне, долго говорили, потом Галина Сергеевна вывела дочь из дома так быстро, что та не успела забрать деревянную лодочку, подаренную рыбаками.

После этого Вера исчезла из их жизни.

— Она писала мне? — спросила Марина.

Мать поставила чайник слишком резко.

— Откуда я знаю?

— Писала?

— Возможно, пару открыток.

— Ты их отдала?

Галина Сергеевна молчала.

Внутри поднялось знакомое ощущение. Так было в детстве, когда взрослые говорили над её головой, решая, что она способна понять, а что нет.

— Я поеду в Светломорск, — сказала она.

— Сейчас тебе нужно сохранить семью.

— Семьи, которую ты имеешь в виду, больше нет.

— Не говори глупостей.

— Олег ушёл. Лиза живёт в другом городе. А я впервые за двадцать лет не знаю, что буду делать в следующий понедельник.

— Поэтому тем более нельзя бросаться в неизвестность.

— Я не бросаюсь. Я еду посмотреть дом.

Мать сжала губы. Затем придвинула к Марине коробку с пирожными, словно на этом разговор был закончен.

— Продай его, — сказала она. — Некоторые дома лучше не открывать.

После её ухода Марина долго стояла перед шкафом в спальне. Половина вешалок опустела: Олег накануне забрал костюмы, рубашки и чемодан. Оставил старую куртку, пару джинсов и свадебный альбом на верхней полке.

Марина сняла альбом. На первой фотографии они с Олегом стояли у загса — совсем молодые, серьёзные от счастья. За плечом Марины виднелась мать. Рядом с ней оставалось пустое место, будто кто-то отошёл за секунду до снимка.

Она закрыла альбом, достала дорожную сумку и купила билет на юг.

Не на неделю, как сказала матери.
В один конец.

Глава 3. Город у белой бухты

Поезд пришёл утром.

Светломорск встретил Марину запахом моря, кофе из привокзального киоска и ослепительным солнцем. После серой Москвы город казался нарисованным слишком яркими красками: белые стены, красные крыши, синие вывески, зелень платанов.

Она ожидала, что узнает место. Но память хранила отдельные картинки, а не улицы. Пляж с тёплыми камнями. Колодец во дворе. Тётину руку, пахнущую лавандовым кремом. Как пройти от вокзала к дому, Марина не помнила.

Таксист, пожилой мужчина в кепке, погрузил чемодан и спросил адрес.

— Виноградная, семнадцать.

Он посмотрел на неё в зеркало.

— Дом Веры Сергеевны?

— Вы её знали?

— Здесь все друг друга знают. Хорошая была женщина.

Марина отвернулась к окну. За последние дни слово «была» встречалось часто, но только сейчас оно прозвучало окончательно.

Машина поднялась от центра по узкой улице. Море то исчезало за домами, то внезапно открывалось между ними широкой синей полосой. На склоне теснились старые дачи, новые гостиницы и дворы, где бельё сушилось прямо над виноградными лозами.

— Дом хотят купить, — сказал таксист.

— Кто?

— Люди найдутся. Участок хороший, вид. Сейчас старые дома быстро уходят.

— Я ещё не решила продавать.

— Тогда решайте не спеша.

Он произнёс это без нажима, но Марине показалось, что совет касается не только недвижимости.

Виноградная улица закончилась почти у обрыва. Дом стоял за каменной оградой, в тени двух кипарисов. Он был меньше, чем в детской памяти, — двухэтажный, светлый, с деревянной верандой и голубыми ставнями. Краска облупилась, несколько черепиц съехали, виноград оплёл водосточную трубу. Но дом не выглядел заброшенным. На ступенях лежал свежий веник, а в горшке у двери цвела герань.

Возле калитки ждала полная женщина в сиреновом платье.

— Мариночка?

Она обняла Марину раньше, чем та успела ответить.

— Зоя Михайловна. Я рядом живу, через два дома. Ты меня не помнишь, конечно. Я тогда моложе была, да и ты вот такая бегала.

Зоя Михайловна показала ладонью высоту примерно до колена, хотя восьмилетняя Марина наверняка была выше.

— Вы ухаживали за домом?

— Я поливала, окна иногда открывала. Вера ещё зимой попросила. Она знала, что... Соседка осеклась.

— Что умрёт?

— Сердце. Врачи предупреждали. Только она никому не жаловалась.

Зоя Михайловна достала из кармана ключ. Длинный, тяжёлый, с выцветшей синей лентой.

— Это тебе.

Калитка открылась с сухим скрипом.

Марина вошла во двор и остановилась. Под окном росла старая яблоня. На ветках висели мелкие жёлтые плоды. У дальней стены стояла деревянная скамья, а рядом — стол, покрытый мозаикой из морских камней.

Она прикоснулась к шершавой столешнице.

— Мы делали её вместе, — сказала Марина.

— Вера берегла. Если камешек выпадал, сразу на место приклеивала.

Внутри пахло закрытым домом, сухими травами и пылью. В прихожей висела соломенная шляпа. На кухне стояли банки с вареньем, на столе — сахарница в синих цветах. В гостиной часы с маятником спешили на семь минут.

Они всё ещё шли.

— Кто их заводит?

— Я, — призналась Зоя Михайловна. — Тишина тут без них нехорошая.

Марина провела рукой по спинке кресла. Вещи не выглядели музейными — казалось, хозяйка вышла за хлебом и вернётся, недовольная тем, что чужие ходят по комнатам.

На стене было много фотографий. Вера на фоне моря. Вера с соседями. Вера лет в пятьдесят рядом с незнакомым мужчиной. Марина нашла и себя — загорелую, с двумя кривыми косичками, сидящую на ступенях.

Фотографии матери не было.

— Где тётя Вера похоронена?

— На старом кладбище, рядом с родителями. Я отведу, когда отдохнёшь.

— Спасибо.

Зоя Михайловна открыла ставни. Комнату залило светом.

— В холодильнике суп. Хлеб принесу вечером. Газ перекрыт, покажу, как включить. И ещё Андрей зайдёт.

— Какой Андрей?

— Лебедев. Он Вере помогал с домом. Крышу смотрел, проводку. Хороший мастер.

Марина улыбнулась:

— Вы всем приедем сразу рекомендуете мастера?

— Только тем, у кого после дождя вода идёт в спальню.

— У меня идёт вода в спальню?

— Пока солнце — нет.

Когда соседка ушла, Марина занесла чемодан в дом и поднялась на второй этаж. Три комнаты выходили окнами к морю. В дальней стояла узкая кровать, комод и книжный шкаф. На покрывале лежал белый конверт.

На нём рукой Веры было написано:

«Марине. Открыть, когда захочешь уехать».

Марина долго держала конверт, ощущая под пальцами плотную бумагу.

Ей хотелось вскрыть его сразу. Формально желание уехать появилось ещё на вокзале: город был чужим, дом требовал денег, а в Москве оставались работа, квартира и неоконченный развод.

Но Вера знала, что писала.

Марина положила письмо в верхний ящик комода.

Из окна был виден склон, крыши, белая бухта и тонкая линия горизонта. Море выглядело спокойным, хотя снизу доносился тяжёлый шум волн.

Она открыла окно.

В комнату ворвался ветер и перевернул фотографию, стоявшую на комоде. Марина подняла её. На снимке тётя Вера была молодой — заметно младше, чем Марина сейчас. Рядом стояла Галина Сергеевна. Сёстры улыбались, обнявшись, и казались похожими.

На обороте было написано:

«До того, как мы испугались. 1987».

Глава 4. Человек с синей рулеткой

Андрей Лебедев пришёл в половине шестого.

Марина в это время пыталась открыть окно на кухне. Рама разбухла, ручка не поворачивалась, а с улицы тянуло гарью — кто-то жёг сухие ветки. Она обхватила ручку полотенцем и нажала сильнее.

— Если победите, стекло выпадет во двор, — сказал за спиной мужской голос.

Марина вздрогнула и обернулась.

В дверях стоял высокий мужчина в серой футболке и рабочих брюках. В одной руке он держал ящик с инструментами, в другой — синюю рулетку.

— Вы всегда входите без стука?

— Я стучал. Потом позвонил. Потом Зоя Михайловна крикнула через забор, что дверь открыта и вы на кухне.

— Удобная у вас система безопасности.

— Здесь главная система безопасности — Зоя Михайловна. Она видит дальше камер.

Он поставил ящик на пол.

— Андрей.

— Марина.

— Я знаю.

— А я о вас знаю только то, что вы хороший мастер и должны объяснить, почему у меня в спальне идёт дождь.

— Пока не идёт.

— Вы с Зоей Михайловной сговорились?

Он улыбнулся. Не широко, а чуть заметно, уголком рта.

— Показывайте окно.

Андрей работал спокойно, без тех тяжёлых вздохов, которыми некоторые мужчины сопровождают простую починку, чтобы окружающие понимали цену их труда. Снял ручку, очистил механизм, подтянул петли. Через десять минут окно открылось.

— Сколько я вам должна?

— За это — ничего.

— Я не люблю быть должной.

— Тогда сварите кофе.

— Кофе я ещё не нашла.

— У Веры Сергеевны банка стояла за банкой с рисом.

Марина открыла шкаф. За рисом действительно оказался молотый кофе.

— Вы хорошо знали дом.

— Пять лет его понемногу латал.

— Латал?

— Это точное слово.

Он достал рулетку и прошёлся по комнатам, осматривая потолки, углы, проводку. Марина шла следом с блокнотом. Андрей перечислял: заменить два участка водостока, перебрать край крыши, проверить щиток, обработать балки на веранде, утеплить северную стену.

— Сколько это будет стоить? — спросила она.

— Зависит от того, что вы хотите сделать с домом.

— Продать.

Рулетка щёлкнула, сматываясь.

— Тогда вам нужен не ремонт, а косметика. Закрасить пятна, подкрутить то, что видно, и молиться, чтобы покупатель пришёл в сухую погоду.

— Вы так советуете?

— Вы спросили не совета, а цены.

— Хорошо. А совет?

Андрей посмотрел на стену, где висели фотографии.

— Сначала поживите.

— Все в этом городе дают советы?

— Только приезжим из Москвы. Местные всё равно не слушают.

Марина поставила турку на плиту. Газ зажётся не сразу. Андрей молча подал ей длинную спичку.

— Вера знала, что дом достанется мне? — спросила она.

— Завещание обычно для этого и пишут.

— Я имею в виду давно знала?

Он немного помедлил.

— Да.

— И ничего мне не сказала.

— Может быть, не могла.

— Телефоны работали.

— Я не о телефонах.

Марина разлила кофе по чашкам.

— Моя мать говорит, что Вера любила красивые жесты.

— А вы всегда выясняете семейные отношения с человеком, который пришёл чинить крышу?

— Нет. Иногда я прошу его просто назвать цену.

Он принял чашку.

— Завтра осмотрю чердак и составлю смету. Честную. Потом решите.

На веранде они пили кофе. Солнце опускалось за склон, подсвечивая дома мягким золотым светом. Андрей сидел напротив, опершись локтями о колени. На левой руке не было кольца, но остался бледный след.

Марина заметила его и рассердилась на себя. Муж ушёл четыре дня назад, а она уже разглядывала руку незнакомого мужчины.

— Вы давно здесь живёте? — спросила она, чтобы занять мысли.

— Родился здесь. Потом уехал учиться, работал в Петербурге. Вернулся семь лет назад.

— Почему?

— Отец заболел. Думал, на несколько месяцев. Получилось навсегда.

— Он...

— Жив. И здоров настолько, что каждую неделю объясняет мне, как неправильно я живу.

Марина улыбнулась.

— Значит, всё хорошо.

— В основном.

Андрей поставил чашку.

— На втором этаже есть закрытая комната?

— В конце коридора. Ключа я не нашла.

— Вера её не открывала последние годы.

— Почему?

— Не знаю.

Он сказал это слишком быстро.

— Вы точно хороший мастер? — спросила Марина.

— Смотря кто рекомендовал.

— Женщина, которая знает всё в радиусе километра.

— Тогда спорить бессмысленно.

У калитки Андрей обернулся.

— Сегодня ночью обещают ветер. Закройте ставни со стороны моря.

— Сама справлюсь.

— Я не сомневаюсь.

Эта фраза прозвучала иначе, чем из уст Олега. Не как упрёк и не как попытка отойти в сторону. Просто как признание факта.

После его ухода Марина поднялась к закрытой комнате. Дверь была окрашена в белый цвет, на ручке висела выцветшая нитка с одной голубой бусиной.

Точно такую же она видела на руке Веры на старой фотографии.

Марина потянула дверь на себя. Замок не поддался.

За окном поднялся ветер, и в глубине дома часы пробили семь раз.

Марина посмотрела на телефон: было без семи семь.

Глава 5. Неделя

Утром Марина составила план.

Она всегда делала так, когда жизнь выходила из-под контроля. Список превращал страх в задачи, а задачи можно было вычёркивать.

Первым пунктом значилось: «Нотариус».

Вторым: «Оценка дома».

Третьим: «Риелтор».

Четвёртым: «Обратный билет».

На всё она отвела семь дней.

Нотариальная контора находилась в старом здании рядом с рынком. За столом сидел тот самый мужчина, который звонил ей ночью, — сухой, вежливый, с фамилией Чернов на табличке.

Он проверил документы и положил перед Мариной копию завещания.

— Вера Сергеевна оформила его три года назад. Наследников первой очереди у неё нет. Дом и участок переходят вам.

— А моей матери?

— В завещании указаны только вы.

— Они были сёстрами.

Нотариус поправил очки.

— Завещатель не обязана объяснять выбор.

— Она оставила письмо?

— В деле — нет.

Марина вспомнила конверт в ящике комода.

— Были долги?

— Небольшой остаток по коммунальным платежам. Больше обременений нет. Но есть ещё один документ.

Чернов достал тонкую папку.

— Вера Сергеевна заключила предварительное соглашение с гражданином Савельевым. Не договор продажи, подчёркиваю. Он оплатил обследование участка и получил преимущественное право на переговоры в течение месяца после открытия наследства.

— Что это означает?

— Вы не обязаны продавать дом. Но господин Савельев наверняка свяжется с вами.

Он связался через час.

Марина вышла из конторы и увидела возле входа мужчину лет сорока пяти в льняном пиджаке. Он держал телефон у уха. Когда её аппарат зазвонил, мужчина улыбнулся и отключил вызов.

— Марина Олеговна? Роман Савельев.

— Вы караулите наследников у нотариуса?

— Только когда речь идёт о редком участке.

Он предложил выпить кофе. Марина отказалась, но Савельев легко подстроился и пошёл рядом с ней по улице.

— Я хотел купить дом ещё у Веры Сергеевны, — сказал он. — Она колебалась. Возраст, воспоминания, сами понимаете.

— Зачем вам дом?

— Участок. Мы планируем небольшой апарт-отель. Не безликую коробку — камерное место, хорошая архитектура, рабочие места для города.

— Дом снесут?

— Его невозможно разумно восстановить.

— Мастер, который его обслуживал, так не считает.

— Лебедев? Он романтик. Романтики прекрасно сохраняют окна и ужасно считают деньги.

Савельев назвал сумму.

Марина остановилась.

Этих денег хватило бы, чтобы выкупить долю Олега в московской квартире, закрыть кредит за машину и ещё несколько лет не думать о работе. Она ожидала хорошего предложения, но не такого.

— Почему так много?

— Вид на бухту. Подъезд. Земля. И скорость. Если договоримся до конца недели, возьму на себя оформление.

Семь дней. Тот же срок, который она назначила себе.

— Я подумаю.

— Разумеется. Только участок интересен не мне одному.

Он протянул визитку.

— Если позволите совет: не вкладывайтесь в ремонт до решения. Старые дома умеют вызывать жалость. Это дорогое чувство.

На рынке Марина купила помидоры, сыр, хлеб и пакет инжира. Она шла между рядами, но видела перед собой цифру, написанную Савельевым на обороте визитки.

В Москве её ждала квартира, половина которой принадлежала Олегу. Ждала работа в издательской компании, где она десять лет координировала чужие проекты и всё чаще ловила себя на том, что не помнит, о чём говорили на утреннем совещании. Ждала жизнь, которую можно было собрать заново — если заплатить за неё.

Возле рыбного ряда зазвонил телефон.

— Мам, — сказала Лиза, — папа всё рассказал.

Марина вышла на улицу.

— Как ты?

— Это я хотела спросить.

— Нормально.

— Не говори так.

В голосе дочери дрожала злость.

— Он сказал, что вы давно были несчастливы.

— Возможно, он был.

— А ты?

Марина смотрела, как продавец напротив поправляет пирамиду персиков. Один плод скатился, мужчина поймал его у самого края.

— Я не знала, что мне положено быть несчастной.

— Он идиот.

— Лиза.

— А что? Ты его защищаешь?

— Нет. Просто он твой отец.

— Это не делает его умнее.

Марина рассмеялась. Впервые за несколько дней — искренне.

— Где ты? — спросила Лиза.

— В Светломорске.

— У моря?

— Мне оставили дом.

— Кто?

— Тётя Вера. Ты её не знала.

— Вот это поворот. И что ты будешь делать?

Марина достала визитку Савельева.

— Наверное, продам.

— Почему «наверное»?

— Потому что я пробыла здесь меньше суток.

— Тогда не продавай сегодня.

— Очень зрелый совет.

— Я живу в общежитии с тремя девушками и одним холодильником. Я теперь эксперт по сложным решениям.

После разговора Марина вернулась в дом. На калитке висел пакет с ещё тёплым пирогом и записка от Зои Михайловны: «С абрикосами. К ужину. Не вздумай платить».

На веранде Андрей измерял прогнувшуюся балку.

— Вы тоже входите через калитку без спроса? — спросила Марина.

— Я стучал.

— А потом Зоя Михайловна разрешила?

— Нет. Сегодня разрешил кот.

Под столом действительно лежал огромный рыжий кот.

Марина показала ему визитку.

— Савельев предложил сумму.

Андрей даже не спросил какую.

— Быстро.

— Он говорит, дом нельзя разумно восстановить.

— Можно.

— Сколько?

— Если делать сразу всё — дорого. Если сначала остановить разрушение, потом поэтапно — терпимо.

— «Терпимо» не число.

— Смета будет вечером.

— А если я продам?

Он убрал рулетку.

— Тогда через полгода здесь будет котлован.

— Вы говорите так, будто это преступление.

— Нет. Просто мне нравится этот дом.

— Мне предлагают за него больше, чем он, вероятно, стоит.

— Значит, дело не в доме.

— А в чём?

— В земле, которую второй раз не построишь.

Марина почувствовала раздражение.

— Легко быть романтиком за чужой счёт.

Андрей посмотрел на неё без обиды.

— Легко. Поэтому я и принёс смету.

Он достал из ящика несколько листов.

Сумма оказалась почти в четыре раза меньше, чем Марина ожидала. Всё равно значительная, но не катастрофическая.

— Здесь только необходимое, — объяснил Андрей. — Крыша, водосток, часть проводки, веранда. Остальное может ждать.

— Сколько лет?

— Дом стоял семьдесят. Если не мешать ему стоять, ещё простоит.

Он собрал инструменты и направился к калитке.

— Андрей.

Он обернулся.

— Извините. Про романтика.

— Савельев прав. Я плохо считаю деньги.

— А окна?

— Окна хорошо.

Марина вернулась на веранду. Внизу смета, на столе визитка с предложением Савельева, в доме письмо, которое нужно открыть, когда захочется уехать.

Впервые в жизни у неё было два совершенно разных будущих.

И ни одно не включало Олега.

Глава 6. Закрытая дверь

Дождь начался ночью.

Сначала по крыше застучали редкие капли. Потом ветер ударил в ставни, и дом ответил ему скрипом половиц, дребезжанием стекла и низким гулом в дымоходе. Марина проснулась от холодной воды, упавшей ей на лоб.

На потолке расплывалось тёмное пятно.

Она вскочила, подставила под капли таз и пошла искать ещё посуду. Через десять минут в коридоре стояли кастрюля, ведро и три миски. Вода нашла новые щели, о которых не было в смете.

Телефон показывал половину третьего.

Марина открыла контакты и замерла над именем Андрея. Звонить почти незнакомому человеку среди ночи из-за протекающей крыши казалось нелепым. Она набрала Зою Михайловну, но сразу сбросила: соседке за шестьдесят, пусть спит.

В этот момент наверху что-то тяжело упало.

Звук донёсся из закрытой комнаты.

Марина взяла фонарик. В коридоре пахло мокрым деревом. Нитка с голубой бусиной на дверной ручке раскачивалась, хотя окна были закрыты.

Она дёрнула дверь. Замок удержал.

Снова удар — будто внутри опрокинулась полка.

Марина спустилась в кладовую, нашла молоток и отвёртку. Замок был старый, язычок входил в деревянную планку. Она просунула отвёртку в щель и надавила. Ничего.

— Прекрасно, — сказала Марина вслух. — Тридцать восемь лет, развод, наследство и привидение.

Снизу постучали.

На пороге стоял Андрей в непромокаемой куртке.

— У вас свет горит во всём доме.

— Вы следите?

— Живу на соседней улице. Увидел, когда ехал от отца.

— В комнате что-то упало.

Он поднялся с ней на второй этаж, осмотрел замок и достал из кармана тонкий металлический инструмент.

— Хороший мастер всегда носит отмычки?

— Хороший мастер знает, что старый замок открывается отвёрткой. Но вы погнули свою. Через минуту дверь поддалась.

Внутри пахло пылью и лавандой. Комната была небольшой, с одним окном. На полу лежала упавшая рама, стекло не разбилось. Стены занимали стеллажи с коробками, книгами и папками. В углу стояла швейная машина. На манекене висело незаконченное голубое платье.

Марина шагнула внутрь.

— Почему она держала это закрытым?

Андрей поднял раму. Это оказалась большая фотография под стеклом. На снимке молодая Вера стояла перед домом с ребёнком на руках. Лицо девочки было повернуто к ней.

На обороте стояла дата: август 1987 года.

Марина родилась в июле того же года.

— Это я, — сказала она.

Андрей ничего не ответил.

Марина посветила фонариком на полки. На одной из коробок было написано её имя. Не «Мариночка», не «племянница», а полностью:

«Марина. От рождения до восьми лет».

Она протянула руку, но крышка не открылась — коробка была перевязана лентой и опечатана сургучом.

— Вы знали, что это здесь?

— Знал, что Вера хранила документы.

— Почему не сказали?

— Потому что это не мои документы.

Марина повернулась к нему.

— Все вокруг знают о моей семье больше меня.

— Не все.

— Вы, Зоя, нотариус, моя мать...

— Нотариус знает о завещании. Зоя — о соседях. Я — о крыше. Не складывайте нас в один заговор.

Она хотела возразить, но снизу послышался звон разбившейся посуды.

Они бросились вниз. В гостиной вода текла по стене, прямо над книжным шкафом. Андрей отодвинул его, Марина стала переносить книги. Несколько томов намокли. Они работали молча: подставляли вёдра, укрывали мебель плёнкой, вытирали пол старыми полотенцами.

К четырём утра дождь ослаб.

Андрей поднялся на чердак и временно закрыл повреждённый участок. Вернулся мокрый, с прилипшими ко лбу волосами.

— До утра выдержит.

Марина дала ему полотенце.

— Спасибо.

— Кофе за окном, крыша ночью. Наши отношения дорожают.

Она устало улыбнулась.

Они сели на кухне. Марина заварила чай и разрешила пирог Зои Михайловны. За окном дождь превращался в тихий шелест.

— Почему вы вернулись сюда на самом деле? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.